

УДК 811.161.1

Косова В.А.

(г. Казань)

ИДЕИ ОСНОВАТЕЛЕЙ КАЗАНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
ШКОЛЫ КАК ФУНДАМЕНТ ТЕОРИИ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИАЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье осуществлён анализ теоретических положений И.А. Бодуэна де Куртенэ и Н.В. Крушевского о категориальной организации языковой системы и словообразования как её части. Важнейшие из них – о субстанциональности и понятийной основе категорий языка, о номинативной и структурной специфике «систем словесных типов» и «категорий слов», о знаковой природе и свойстве обособляемости морфем. Установлено, что именно эти идеи легли в основу актуального учения о словообразовательных категориях, ориентированного на исследование ономаσιологических и когнитивных механизмов словообразования.

Ключевые слова: словообразовательная категория, Казанская лингвистическая школа, словообразовательная система, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н.В. Крушевский.

V. Kosova

(Kazan)

IDEAS OF THE FOUNDERS OF KAZAN LINGUISTIC SCHOOL
AS THE PLATFORM FOR THE THEORY OF WORD-FORMATIVE
CATEGORIES

Abstract. The article analyzes the theoretical ideas of I.A. Baudouin de Courtenay and N.V. Krushevsky about the categorial organization of a language system and of word formation as part of it. The most important ideas are those of substantiality and notional basis of language categories, those of nominative and structural specificity of “the systems of word types” and “word categories”, and those of the sign nature and separability of morphemes. It is proved that it is these ideas that form the basis of the actual doctrine of word-formative categories that is focused on the investigation of the onomasiological and cognitive mechanisms of word formation.

Key words: word-formative category, Kazan linguistic school, system of word formation, I.A. Baudouin de Courtenay, N.V. Krushevsky.

Казанская лингвистическая школа, созданная в 80-х гг. XIX столетия И.А. Бодуэном де Куртенэ, оценивается современной наукой как «самостоятельное направление в русском языкознании, которое

наметило основные характеристики нового объекта этой науки и заложило фундамент для развития русской лингвистики в XX веке» [7, с. 20–21]. Огромную роль сыграли в этом лингвистические идеи самого Бодуэна, а также его ученика Н.В. Крушевского, названного Ф.М. Березиным провозвестником лингвистики XX в. [3]. Доминантой учения казанских лингвистов стало понятие языковой системы, причём, в отличие от подхода Ф. де Соссюра, «... не как чисто реляционной схемы, но как системы взаимодействий субстанционально выделяемых единиц» [1, с. 35].

Цель настоящей статьи – проанализировать идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ и Н.В. Крушевского о системности языковых явлений в ракурсе словообразовательной категориальности как одной из центральных проблем современной дериватологии и когнитивистики (см. работы по этой тематике Е.С. Кубряковой, Е.А. Земской, И.С. Улуханова, Р.С. Манучаряна и др., обзор которых дан в [8]). Ранее под таким углом зрения теоретическое наследие Казанской лингвистической школы целенаправленно не рассматривалось.

В понимании И.А. Бодуэна де Куртенэ, языку органически свойственно стремление к системности, упорядочению: «В жизни языка замечается постоянный труд над устранением хаоса, разлада, нестройности и нескладности, над введением в него порядка и однообразия» [5, с. 112–113]. Роль важнейшего стержневого конституэнта системы естественного языка выполняет, по Бодуэну, языковая категория: язык осмысливается «как составленный из частей, то есть как сумма разнородных категорий, находящихся между собой в тесной органической (внутренней) связи» [5, с. 19]. Категориальность, по логике рассуждений учёного, является неотъемлемым свойством языка, «существующего только *in potentia* и в собрании всех индивидуальных оттенков». В этой ипостаси язык рассматривается Бодуэном де Куртенэ как определённый комплекс «известных составных частей и категорий» и ограничивается им «от языка как непрерывно повторяющегося процесса» [5, с. 33], т. е. речевой деятельности в современном её понимании.

Учитывая неоднозначность общенаучного термина «категория», И.А. Бодуэн де Куртенэ осознаёт необходимость уточнения его лингвистического содержания: «Нужно различать категории языковедения от категорий языка: первые представляют чистые отвлечения; вторые же – то, что живёт в языке, как звук, слог, корень, основа (тема), окончание, слово, предложение, *разные категории слов* (курсив наш. – В.К.) и т. п. Категории языка суть также категории языковедения, но категории, основанные на чутье языка народом и вообще на объективных

условиях бессознательной жизни человеческого организма, между тем как категории языковедения в строгом смысле суть по преимуществу абстракции» [5, с. 16]. Это весьма ценное уточнение позволяет сделать важный для нашего исследования вывод: «известные системы, известные семьи и другие категории языка, связанные силою бессознательного обобщения» [5, с. 14], мыслятся учёным, наряду с более простыми единицами языка, как онтологическая реальность, а не научная (лингвистическая) абстракция.

Изложенные представления о языковой реальности категорий языка, их объективной природе служат теоретическим ориентиром для понимания сущности «разных категорий слов» и, следовательно, категорий производных слов с общим значением, обоснованных впервые ещё одним известным учеником великого лингвиста В.А. Богородицким и названных им изначально «категориями словообразования» [4, с. 157]. Свойство субстанциональной определённости словообразовательных категорий вошло в число базовых положений современной теории словообразовательной категориальности. Чёткая формулировка этого свойства принадлежит Е.А. Земской: «Производные слова рождаются и живут преимущественно в пределах словообразовательных типов, а сами словообразовательные типы, не как схемы построения слов, а как рамки, включающие и готовые слова, и модели построения новых слов, живут, функционируют и взаимодействуют в пределах словообразовательных категорий различной степени абстракции» [6, с. 27].

Основополагающие идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ о категориальном принципе организации языковой системы получили глубокое и оригинальное по содержанию развитие в трудах Н.В. Крушевского. Одна из самых ярких и наиболее часто цитируемых в настоящее время частей докторской диссертации Крушевского «Очерк науки о языке» посвящена развитию восходящей к Бодуэну мысли о двух планах организации структурных элементов языковой системы: «...каждое слово связано двоякого рода узлами: бесчисленными связями сходства со своими родичами по звукам, структуре или значению и столь же бесчисленными связями смежности с разными своими спутниками во всевозможных фразах; оно всегда член известных гнезд или систем слов и в то же время член известных рядов слов» [9, с. 65].

Ассоциации по сходству и смежности, называемые Крушевским непосредственными языковыми связями, не исчерпывают «всех тех средств, которыми располагает наш ум для того, чтобы сплотить всю массу разнородных слов в одно стройное целое» [9, с. 67]. Исходя из знакового характера языка («слово есть знак вещи»), учёный обосновал

ываает представление о «посредственных» или «косвенных» языковых связях, «в силу которых наш ум классифицирует слова в те же отделы, что и соответствующие им вещи», систематизируя «соответствие мира слов миру мыслей» как основной закон развития языка [9, с. 67–68]. Наличие в языке особых знаков «для каждого понятия и каждого оттенка понятия» необходимо «для полного в общем и частном соответствия мира слов миру понятий» [9, с. 95–96]. Знаковая природа, по мысли Крушевского, присуща не только словам, но и морфемам, которые способны выражать как понятия, так и оттенки понятий: «...значение деятеля может рассматриваться как содержание или функция звукосочетания *-итель*, или значение известного животного – как содержание или функция звукосочетания *волк*», а следовательно, «*-итель* и *волк* суть знаки соответствующих содержаний» [9, с. 14].

Ф.М. Березин акцентирует внимание на двух сторонах концепции системности языка Н.В. Крушевского: приложение принципа системности не только к фонетике и морфологии, но и к лексике, с одной стороны, и понимание языка как системы структур и системы взаимозависимостей, с другой [3]. Представление о системе языка как «системе типов» в работах Крушевского вполне определённо связывается с фактами как формо-, так и словообразования. Подход к анализу этих фактов с семасиологических позиций (от формы – к значению, функции) позволяет констатировать бытование в языке «структурных семейств», «структурных типов»: «...в целых сотнях слов повторяются одни и те же или похожие друг на друга морфологические элементы, вследствие чего в языке образуются более или менее многочисленные семейства слов, родственных по корню, суффиксу или префиксу» [9, с. 108]. Рассматривая языковые факты с ономасиологической точки зрения, казанский учёный формулирует широко известный тезис, который можно считать одним из базовых положений современной ономасиологии: «...область называемого, мир понятий представляет известное число общих категорий, как предмет, его признак, его действия и проч. Каждая из этих категорий имеет свою более или менее обширную семью» [9, с. 108–109].

«Общие категории», таким образом, выделяются Н.В. Крушевским на собственно понятийном уровне; в сфере понятий происходит их расподобление на семьи или системы. Формирование же на понятийной основе «систем словесных типов» – процесс собственно языковой: «Мы убедились здесь, что есть типы слов и системы этих типов, соответствующие системам понятий» [9, с. 124]. Внимание автора «Очерка...» направлено не только на «наиболее выдающиеся» грамматичес-

кие системы, но и на «не замеченные грамматикой» системы словообразовательные: «все то, что известно в грамматиках под общим именем словообразования, представляет массу систем, не настолько выделяющихся в необозримой массе слов, составляющих язык, чтобы быть замеченными при поверхностном наблюдении» [9, с. 109]. Крушевский настойчиво подчёркивает не меньшую важность для говорящих на данном языке подобных словообразовательных «систем», объединений, потому что «многие типы так прочно устанавливаются в языке, что в силе своей, так сказать, сцепляемости не уступают формам склонения и спряжения: так, например, при суффиксе *-ный (-ну́й)* и основах с конечным заднеязычным будут образовываться прилагательные с *ж, ч, ш (подно́жный, ручно́й, душно́й...)* с таким же постоянством, с каким при им. ед. *отец* и т. п. будет образоваться им. мн. *отцы* и т. п.» [9, с. 122]. Эти наблюдения позволяют казанскому учёному сделать следующий значимый вывод: «Чем точнее определим мы тип данной категории слов, тем с большей точностью можем ответить на вопрос, какую другую категорию она будет предполагать» [9, с. 121]. Во взаимосвязи категорий языковой системы Крушевский видит залог гармонической целостности языка.

Важность подобных наблюдений и выводов Крушевского для деривационной теории трудно переоценить в связи с актуальностью задач словообразовательного синтеза, комплексно обозначенных в известной монографии И.Г. Милославского [13] и не решённых до настоящего времени. И.А. Мельчук, разработавший правила словообразовательного синтеза для трёх категорий дериватов русского языка в рамках формальной морфологической модели языка типа Смысл – Текст, подчёркивал недостаточную исследованность этой насущной лингвистической проблемы выразительной фразой: «Дело за малым: написать хотя бы небольшой фрагмент (такой) модели словообразования хотя бы для одного языка» [12, с. 499].

Не вызывает сомнений также значимость опыта семантического анализа деривационных морфем русского языка, отражённого в диссертации Н.В. Крушевского, для последующих ономаσιологических обобщений в ракурсе словообразовательной категориальности. Речь идёт, в частности, о семантике некоторых конкретных суффиксов: *-ик* и *-чик*, которые «придают уменьшительно-ласкательный оттенок», суффикса *-ник* и его разновидности *-атник*, обозначающих место или строение для известных животных: *гусятник, курятник*; суффикса *-итель* со значением деятеля; суффикса *-ёж*, служащего преимущественно для обозначения *nominis actionis*: *делёж, грабёж, кутёж* и т. п. Определение

значения подобных морфологических элементов Крушевский считает возможным благодаря тому, что они встречаются во многих словах в сочетании с разными звуковыми комплексами, что «производит их обособление в нашем сознании, или, вернее, в нашем чутье языка» [9, с. 70]. К идее обособления морфологических элементов восходит разработанный современным дериватологом Р.С. Манучаряном критерий словообразовательной категориальности: «В данном языке существует та или иная словообразовательная категория в том случае, если соответствующее словообразовательное значение выражается формальными показателями, в числе которых имеется хотя бы один, выражающий – в указанных рамках – только это значение» [11, с. 214].

Выявленная автором «Очерка...» дифференциация морфологических элементов по их способности обособляться потребовала установления факторов, способствующих обособлению суффиксов. Крушевский резюмирует содержание этих условий в виде общего положения, отражающего важную для характеристики языкового строя закономерность: «Способность суффикса к обособлению обратно пропорциональна широте его значения и числу суффиксов, родственных данному по своему значению. Так, например, суф. *-онюк* очень хорошо обособляется потому, что он присоединяется только для обозначения молодых животных: *котёнок, медвежонок, утёнок...*, а в том же значении употребляется еще только один суффикс, именно *-онюш*, напр., *утенюш* и т. п.» [9, с. 77]. Таким образом, Н.В. Крушевским выявлен принцип обособляемости словообразовательных морфем и дан образец соответствующих этому принципу описаний словообразовательной семантики.

Именно в таком ключе описываются в современных исследованиях по дериватологии свойства словообразовательных категорий, квалифицированных в работах крупного отечественного дериватолога-когнитолога Е.С. Кубряковой как прототипических, поскольку их члены «маркированы специальными аффиксами, каждый из которых выражает либо отдельно взятый концепт, либо некую их совокупность» [10, с. 6]. Идеи когнитивистики получают развитие практически во всех работах последних лет о категориях деривационной системы, в том числе содержащих описание конкретных словообразовательных категорий (см., например, [2]). Удивительно созвучные идее категоризации языка, на которой основывается современная когнитивная лингвистика, размышления и выводы Н.В. Крушевского являют собой, таким образом, эскиз будущей теории функциональной ономазиологии как науки о наиболее общих языковых значениях (ономазиологических категориях) и самых разнообразных способах и средствах их языкового воплощения.

Осуществлённый нами анализ функционально-грамматических воззрений И.А. Бодуэна де Куртенэ и Н.В. Крушевского убеждает в том, что многие идеи этих учёных (о субстанциональности и понятийной основе категорий языка, о номинативной и структурной специфике «систем словесных типов» и «категорий слов», о знаковой природе и свойстве обособляемости морфем) легли в основу разрабатываемой в XX-XXI вв. теории словообразовательной категориальности. Важнейшие из них получили в современной лингвистике практическое применение при выделении и обосновании комплексных единиц словообразовательной системы – словообразовательных типов и словообразовательных категорий, при разработке критериев категориальности словообразовательной семантики, в опыте выявления правил активного словообразования, при анализе и описании словообразовательных категорий с когнитивных позиций.

Литература:

1. *Андрамонова Н.А.* Н.В. Крушевский и история лингвистики // Николай Крушевский: научное наследие и современность: Матер. Междунар. науч. конф. «Бодуэновские чтения» (Казань, 11-13 дек. 2001 г.). – Казань: Новое знание, 2002. – С. 35–42.
2. *Белякова Г.В.* Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. – 170 с.
3. *Березин Ф.М.* Н.В. Крушевский – провозвестник лингвистики XX века // Н.В. Крушевский. Избранные работы по языковедению. М., 1998. – С. 4–23.
4. *Богородицкий В.А.* Лекции по общему языковедению. – Казань: Типография Императорского Университета, 1915. – 332 с.
5. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Языковедение и язык: Исследования, замечания, программы лекций. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 216 с.
6. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 222 с.
7. *Иванова И.* Вклад Казанской лингвистической школы в формирование нового объекта лингвистики в конце XIX – начале XX века // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-13 декабря 2003г.). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – Т. 1. – С. 20–21.
8. *Косова В.А.* Словообразовательная категория: формирование понятия и основные направления исследования // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2010. – Т. 152. – Кн. 6. – С. 199–212.
9. *Крушевский Н.В.* Очерк науки о языке. – Казань, 1883. – 148 с.
10. *Кубрякова Е.С.* Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 2006. – Т. 65. – № 2. – С. 3–13.

11. *Манучарян Р.С.* Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. – Ереван: Луйс, 1981. – 314 с.

12. *Мельчук И.А.* Русский язык в модели «Смысл-Текст». – Москва; Вена: Школа “Языки русской культуры”; Венский славистический альманах, 1995. – 682 с.

13. *Милославский И.Г.* Вопросы словообразовательного синтеза. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 296 с.